

РЕТО БАРМЕТТЛЕР

ЖОМИНИ

И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 гг.:

ФРАГМЕНТ БИОГРАФИИ¹

Швейцарский уроженец Антуан-Анри Жомини (1779-1869), успевший побывать генералом сперва на французской, а затем на русской службе, был одним из самых влиятельных военных историков и теоретиков XIX века. Несмотря на этот факт и в отличие от другого виднейшего военного теоретика той эпохи — Клаузевица, имя Жомини остается неизвестным широкой обществу, не только в Швейцарии, но и в России, которой он служил с 1813 г. вплоть до своей смерти в 1869 г.² Более того, даже если произведения Жомини более-менее известны специалистам, сведения о его биографии и наши представления о его реальном влиянии и положении в качестве генерала и военного специалиста остаются фрагментарными и неполными.

Как указывалось в недавних работах³, наши сведения о жизни Жомини основаны на очень ограниченном числе источников, которые вдобавок носят весьма субъективный характер. Самое важ-

1 Статья основана на исследованиях, проведенных при подготовке комментированного издания второго тома воспоминаний Жомини, в котором освещаются его годы на русской службе. Исследовательский проект осуществлен при поддержке Швейцарского национального научного фонда (SNSF), проект № 1000111-116260 (Edition critique du second volume des Souvenirs d'Antoine-Henri Jomini).

2 Но даже находясь все эти годы на формальной службе в России, Жомини бывал там лишь эпизодически.

3 Langendorf, Jean-Jacques. Faire la guerre: Antoine-Henri Jomini. Vol. 1: Chronique, Situation, Caractère. Chêne-Bourg / Genève, Georg, 2001; Rapin, Ami-Jaques. Jomini et la stratégie. Lausanne, Payot, 2002.

ное из этих произведений принадлежит перу Фердинанда Леконта, которого можно считать официальным биографом Жомини⁴. Последний не только передал в распоряжение Леконту две рукописных тетради своих воспоминаний⁵; они несколько раз встречались, и Жомини даже ознакомился с книгой Леконта, еще не вышедшей из печати⁶. Соответственно работа Леконта представляет собой крайне субъективное описание жизни Жомини, его карьеры и отношений с современниками. Кроме того, Леконт затрагивает в основном французский период жизни Жомини, пренебрегая более продолжительным периодом его службы в России. Короче говоря, ощущается насущная потребность в научной биографии Жомини, отправной точкой для создания которой могло бы стать комментированное издание вышеупомянутых воспоминаний генерала⁷.

Годам, проведенным Жомини на российской службе, до сих пор не посвящалось сколько-нибудь значительных исследований. Жомини по сути бывал в России лишь наездами, хотя в 1813 г. получил от Александра I высокий чин генерал-лейтенанта и в том же году стал генерал-адъютантом. В правление Николая I Жомини стал играть более активную роль, внося заметный вклад в создание Императорской Военной академии. Кроме того, он участвовал в кампании 1828 г.,⁸ а во время Крымской войны вернулся в Санкт-Петербург. Вообще говоря, труды Жомини были хорошо известны в России еще до того, как он поступил на царскую службу, а его значение как военного теоретика широко признавалось его современниками⁹. Однако, наши сведения о жизни Жомини и его карьере в качестве русского генерала исчерпываются несколькими эпизодами. В статье, посвященной созданию Императорской Военной

4 Lecomte, Ferdinand. Le général Jomini, sa vie et ses écrits. Esquisse biographique et stratégique. Lausanne, Tanera, 1860; 2nd edition: Lausanne, L. Corbaz, 1869; 3rd edition: Lausanne, V. Benda, 1888. Еще один биографический рассказ о жизни Жомини был опубликован в 1935 г. одним из его потомков, Ксавьером де Курвиллем. В то время как в распоряжении Леконта находилась только первая часть воспоминаний Жомини, Курвилль в своей работе мог пользоваться их полным собранием: Courville, Xavier de. Jomini ou Le devin de Napoléon. Paris, Plon, 1935.

5 Recueil de souvenirs pour mes enfants // Швейцарская федеральная военная библиотека в Берне (EMB, ныне — Library am Guisanplatz), TAP 0195 / TAP 0196. Эти воспоминания были изданы лишь частично.

6 Rapin. Op. cit., 2002. P. 8.

7 Rapin. Op. cit., 2002. P. 259.

8 Часть заметок Жомини, относящихся к этой кампании, была издана в: Мольтке, Г. фон. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. Т. 1. СПб., 1876–77. С. 210–234. Эти заметки не входили в состав оригинального немецкого издания и были включены в книгу переводчиком Н. Шильдером.

9 См., например: Discours de M. de Boutourlin, sur l'influence des ouvrages du général Jomini. Paris, Anselin et Pochard, 1827.

академии и кампании 1828 г., Рейшель¹⁰ пытается оценить реальное положение Жомини в качестве военного специалиста в России. Но его статья основана в первую очередь на воспоминаниях Жомини, хотя автор и признает их субъективность. Отсутствие иных источников не позволило ему сделать какие-либо выводы о реальном положении и влиянии Жомини как военного советника при российской армии¹¹.

Уделяя основное внимание кампании 1828 г. и пользуясь как воспоминаниями Жомини, так и документами из русских и швейцарских архивов и опубликованными источниками, я поставил перед собой задачу нарисовать более полную картину жизни Жомини в роли русского генерала и выяснить его реальное положение и влияние в этот период. Меня интересует не столько влияние произведений Жомини на русскую военную мысль, сколько его непосредственное влияние в качестве советника. Впоследствии результаты исследования будут изложены в более широкой перспективе, с целью внести вклад в научную биографию Жомини. Кампания 1828 г. представляется особенно подходящей и интересной в качестве иллюстрации к биографическому подходу, поскольку положение Жомини во время этой кампании выглядит весьма показательным для его военной карьеры в целом. Судя по всему, вопреки желаниям и амбициям самого Жомини, его всегда воспринимали главным образом как автора военно-теоретических произведений, и напротив, его советы как военного специалиста почти никогда не принимались во внимание.

От Пайерна до Санкт-Петербурга: жизнь и карьера Жомини до 1828 г.¹²

Антуан-Анри Жомини родился в 1779 г. в маленьком городке Пайерн, на территории современного швейцарского кантона Во, и провел там почти все детство. Его отец, важный человек по местным меркам, отправил сына в Аарау — учить немецкий и получить коммерческое образование, продолженное в Базеле. В 1796 г. Жомини перебрался в Париж, где работал в банке. В 1798 г. Швейцарию накрыла волна революционных движений, поддерживавшихся Францией. На территории страны была провозглашена Гельветическая республика, зависимая от Франции. Кантон Во, доселе находившийся под влиянием Берна, был переименован в Леман, а кантональные власти были сменены центральным правительством —

10 Reichel, Daniel. La position du général Jomini en tant qu'expert militaire à la cour de Russie // Actes du Symposium 1982. Lausanne, Centre d'histoire et de prospective militaires, 1982. Pp. 59–75.

11 Строго говоря, Рейшель делает некоторые выводы о положении Жомини как военного советника, но в то же время признает необходимость обратиться к иным источникам, помимо воспоминаний Жомини.

12 Эта короткая биография основана в основном на: Rapin. Op. cit. 2002 и Langendorf. Op. cit. 2001.

Директорией. В конце того же года Жомини вернулся из Парижа в Швейцарию, где сумел получить должность в только что созданном военном министерстве. Самым поразительным в карьере Жомини является тот факт, что он не получил никакого формального военного образования, будучи самоучкой, почерпнувшим опыт военного дела из книг, а впоследствии — из службы во французской армии. Однако, административная работа в военном министерстве принесла ему первые чины: получив по вступлении в должность чин лейтенанта, в 1799 г. он был произведен в капитаны, а на следующий год получил чин командира батальона (*chef de bataillon*).

В 1801 г., попав под следствие по обвинению во взятках¹³, Жомини снова уехал из Швейцарии в Париж, где занялся коммерцией. В то же время он посвятил себя исследованию стратегии и работал над своей первой рукописью, которая впоследствии стала основой для его «*Traité des grandes opérations militaires*»¹⁴. В 1805 г. Жомини вступил добровольцем во французскую армию и стал адъютантом при маршале Нее, вероятно, не без помощи влиятельных знакомых отца. Он последовал за Неем в Булонский лагерь, а затем в Германию и в Тироль. По требованию Нея Жомини получил место при генеральном штабе 6-го армейского корпуса. На следующий год он стал первым адъютантом Нея, а впоследствии, во время прусской кампании, временно служил в Генеральном штабе Наполеона. Осенью 1807 г. Жомини был назначен начальником штаба 6-го армейского корпуса Нея и занимал эту должность в течение войны в Испании. Летом 1809 г. Ней отправил Жомини в Вену с поручением проинформировать Наполеона о положении в Испании. По неясным причинам маршал захотел избавиться от своего начальника штаба.

Недовольный своей новой должностью при Луи-Александр Бертье, Жомини в 1810 г. попытался перейти на русскую службу¹⁵. Однако, Наполеон отказался дать ему отставку и назначил его бригадным генералом, а кроме того, приказал ему написать историю итальянских кампаний 1796–1800 гг. В 1812 г. Жомини уча-

13 Жомини якобы вымогал деньги у армейского поставщика в обмен на определенные поблажки. По-видимому, он нуждался в деньгах для покрытия картонных долгов: Langendorf, Jean-Jacques. *Krieg führen: Antoine-Henri Jomini*. Zürich, vdf Hochschulverlag, 2008.

14 Впервые изданный в трех томах под названием «*Traité de grande tactique*» (Paris, 1805–1806), «Трактат» впоследствии был издан как «*Traité de grandes opérations militaires*» (Paris, 1807–1809; 5 томов). Второе издание было осуществлено в Париже в 1811–1816 гг. (8 томов).

15 Переписка, относящаяся к контактам между Жомини и Чернышевым, который в то время был русским военным агентом в Париже, издана: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 121. СПб., 1906. Из этих документов следует, что инициатором данных контактов был Чернышев, и что Александр I придавал достаточно большое значение переходу Жомини на русскую службу.

ствовал в кампании против России. Во время этой кампании он сначала был губернатором Вильно, а затем был назначен губернатором Смоленска. В своих воспоминаниях Жомини утверждает, что сыграл важную роль при переходе наполеоновской армии через Березину во время отступления из России. Оказавшись во Франции, Жомини несколько месяцев отдыхал от лишений, испытанных в ходе этого отступления. Восстановив здоровье, он вернулся в армию и был назначен начальником штаба 3-го армейского корпуса Нея. По утверждениям Жомини, он принимал деятельное участие в битве при Баутцене и ему был предложен чин дивизионного генерала. Однако, будучи вычеркнут из списков лиц, представленных к повышению, что Жомини приписывал недоброжелательству Бертье, он решил покинуть французскую армию и перейти на русскую службу.

14 августа 1813 г., во время перемирия, Жомини выехал из расположения французской армии и два дня спустя прибыл к Александру I в Прагу. Царь даровал ему чин генерал-лейтенанта¹⁶, а после Кульмской битвы Жомини стал генерал-адъютантом¹⁷. В ходе кампании Александр I командировал Жомини к главнокомандующему союзными силами князю Шварценбергу, а во время сражений Жомини обычно находился при императоре¹⁸. Впоследствии он сопровождал Александра I на Венский конгресс, во время которого подал императору интересную записку, касающуюся угрозы господства Великобритании на морях после поражения Франции¹⁹.

В 1816 г. Жомини впервые приехал в Санкт-Петербург, где провел зиму. В своих воспоминаниях он упоминает две записки, составленные им в это время для Александра: одну — о возможных

16 Согласно послужному списку Жомини за 1817 г., он поступил на русскую службу 4(16) августа 1813 г. в чине генерал-лейтенанта (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 556–557).

17 Согласно послужному списку Жомини за 1854 г., он получил чин генерал-адъютанта за заслуги во время Кульмской битвы (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 14–15).

18 Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1836. С. 213–225; см. также послужной список Жомини за 1817 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7063. Л. 556–557).

19 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18168. *Extrait de mon journal* (14 ноября 1814). В этом геополитическом анализе Жомини отмечает, что с поражением Франции ликвидирована последняя угроза господству Великобритании на морях, а следовательно, ее торговле и вмешательству в европейские дела. Согласно Жомини, единственной силой, которая способна не допустить абсолютного господства Великобритании, остается Россия. Поэтому англичане окажут противодействие любым попыткам России увеличить свое влияние. Соответственно Россия должна вступить в союз с Францией, Испанией и, возможно, Пруссией, заинтересованными в том, чтобы не допустить британского господства. Как сам Жомини отмечает в своих мемуарах, Крымская война (1853–1856) подтвердила его правоту.

войнах, в которые может быть вовлечена Россия, и вторую — о защите российских границ²⁰. За первую из них он получил орден Св. Владимира 2-й степени²¹. Кроме того, в ноябре 1816 г. Александр приказал ему написать историю кампаний 1812–1815 гг.²² В целом представляется, что во время своего первого пребывания в Санкт-Петербурге Жомини действительно старался интегрироваться в русское общество, но без особого успеха²³.

В 1817 г. Жомини уехал из России в Париж, официально сославшись на проблемы со здоровьем. Однако, явно разочаровавшись своим положением в России и при Александре, следующие шесть лет он провел в работе над своим вторым крупным произведением, «Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution»²⁴. В Россию он вернулся лишь в 1824 г., привезя с собой в Санкт-Петербург старшего сына, которого определил в Пажеский корпус. Во время своего пребывания в российской столице он просил Александра принять какое-либо решение относительно его карьеры, пред-

ложив три варианта: остаться в России, выучить язык и получить какую-либо должность в империи; отправиться с тем или иным поручением в другую страну; или вернуться во Францию и продолжить работу над своей историей. В конце концов Александр «позволил ему вернуться» во Францию²⁵.

Таким образом, большую часть правления Александра I Жомини провел во Франции, но все изменилось, когда императором стал Николай. По воспоминаниям Жомини, Николай выразил намерение более активно использовать его на службе в России и попросил Жомини продать имение своей жены под Парижем и окончательно переселиться в Санкт-Петербург. В это время улучшилось и финансовое положение Жомини²⁶. В день коронации Николая Жомини был произведен в генералы от инфантерии²⁷. В то время он участвовал в работе комитета, обсуждавшего меры по реформированию военного образования в России, а во время торжеств по случаю коронации Николая в Москве Жомини, согласно его воспоминаниям, каждый день встречался с императором²⁸.

Пробыв какое-то время во Франции, Жомини вернулся в Санкт-Петербург летом 1827 г. В своих воспоминаниях он пишет, что был неприятно поражен переменами в окружении императора. По его словам, император стал холодным и недоступным. Фаворитами Николая стали Чернышев, Орлов и Бенкендорф, а начальник Главного штаба Дибич делал все, чтобы изолировать императора от кого-либо, кто мог представлять угрозу для этой «военной камарильи»²⁹.

Жомини продолжил работу в области военного образования. Еще весной 1826 г. по приказу императора он составил записку о создании Центральной школы стратегии (Ecole Centrale de Grande Tactique) в Санкт-Петербурге³⁰. В то же время Россия гото-

20 Записка о крепости, датированная 1816 г., находится в московском РГВИА (Ф. 846. Оп. 16. Д. 25999). Записка о возможных войнах России с другими державами (датированная 1816 г.) упоминается в каталоге Военно-ученого Архива главного управления Генерального штаба Том III. 1910 (Д. 17947). Фонды этого архива ныне хранятся в РГВИА (Ф. 846). К сожалению, записка была утрачена, по словам служащих архива, во время эвакуации в годы Второй мировой войны.

21 Согласно формулярному списку Жомини за 1828 г., он получил орден Св. Владимира 2-й степени за труд, написанный по приказу Александра I в 1817 г. (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 4–6). Копию диплома ордена от 29 мая 1817 г. см.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 6. 1817 г. Д. 456.

22 Подробнее см.: Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя об отечественной войне 1812 г. // Исторические записки. Т. 85. М., 1970. С. 381 и далее; а также: РГВИА. Ф. 35. Оп. 1 / 242. Св. 16. Д. 6.

23 Эти попытки всегда были связаны и с финансовым вопросом. Согласно воспоминаниям Жомини, Александр в 1813 г. обещал сделать его богатым. Во время первого пребывания в России Жомини несколько раз пытался напомнить императору о его обещании. Так, когда Александр стал расспрашивать, какое впечатление произвела на него столица, Жомини ответил, что по сравнению с шириной улиц дома здесь слишком низкие, и если бы у него был капитал, он бы скупил все маленькие дома на Невском проспекте и пристроил к ним по паре этажей. На этом он бы сумел заработать и одновременно сделать Петербург более красивым. Однако, Александр не дал ему ссуду, на которую он надеялся. В другой раз Жомини попросил позволения учредить в Санкт-Петербурге компанию для страхования от пожаров — в России подобных учреждений тогда еще не существовало, и поскольку многие дома были застрахованы в иностранных компаниях, империя лишалась значительных объемов капитала. Согласно воспоминаниям Жомини, император разделял его мнение, но министр финансов заявил, что подобный проект в России неосуществим (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

24 Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution. Paris, Anselin et Pochard, 1820–1824 (15 томов).

25 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 1595. Рапен утверждал, что и сам Жомини, по-видимому, предпочитал третий вариант. Во-первых, он не мог позволить себе жить в Петербурге из-за финансовых трудностей; во-вторых, его отношения с императором ухудшились с тех пор, как он поступил на русскую службу (Rapin. Op. cit. 2002. P. 88). С другой стороны, вероятно, Жомини действительно надеялся получить должность в России или в другой стране, руководствуясь, в частности, финансовыми соображениями. Еще в 1818 г., на Аахенском конгрессе, Жомини строил планы поселиться с швейцарскими колонистами на юге России, но из этого проекта ничего не вышло. Документы, связанные с этим проектом, см.: РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 / 246. Д. 588.

26 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

27 Согласно послужной записи Жомини от 1854 г., он получил чин генерала от инфантерии 22 августа 1826 г. — 22 августа (3 сентября) 1826 г. состоялась коронация Николая I (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 4–6).

28 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

29 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

30 Notes sur l'établissement d'une Ecole Centrale de Grande Tactique // РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–25. См. также: Глиноецкий Н. П. История русского генерального штаба. Т. II. СПб., 1894. С. 14 и далее.

вилась к новой войне с Османской империей. Жомини как генерал-адъютант участвовал в этой войне, высказав свои идеи о ведении операций в нескольких записках и письмах, адресованных императору. Фактически, за исключением кампании 1813–1814 гг. против Наполеона, кампания 1828 г. против турок была единственной войной, в которой он участвовал как русский генерал³¹. На примере этой кампании я постараюсь показать положение Жомини при русской армии и его значение как военного советника. Судя по всему, в роли советника Жомини пользовался намного меньшим влиянием, чем можно судить по его популярности как военного мыслителя. Такое положение представляется типичным для всей его российской карьеры и отчасти противоречит воспоминаниям Жомини и его биографии, составленной Леконтом.

Если достоинства Жомини как писателя не подвергаются сомнению, то его таланты военного советника находятся под большим вопросом³². Как мы увидим, представление о колоссальной разнице между Жомини-мыслителем и Жомини-советником возникло в среде российских офицеров еще в кампанию 1813 г. и продолжало существовать в 1828 г. Возможно, этим отчасти объясняется определенная маргинальность Жомини в русской армии. Кроме того, она, вероятно, была обусловлена его изменой в 1813 г., а также особенностями его характера: «Очень хороший офицер, Жомини был известен только благодаря своим произведениям, в которых содержится много поучительного и которые приобрели огромное влияние, прежде всего в России, на генералов, а главным образом на молодых офицеров, которые начинали понимать, что на войне важна не только муштра. Однако, как и все авторы, пишущие о войне, Жомини создал очень изящные теории, но на практике никогда не смог ничего достичь, никогда не командовал войсками и едва ли обладал способностями для этого. (...) Впоследствии мне приходилось часто иметь с ним дело. Я презирал его за дезертирство и не выносил его, но и в его личности не было ничего, вызывавшего бы симпатию: холодное лицо, хитрость и фальшь во взгляде и непомерное хвастовство»³³.

31 В кампании следующего года Жомини уже не участвовал. Впоследствии он вернулся в Россию во время Крымской войны, но остался в Санкт-Петербурге, где написал множество писем и записок, сейчас хранящихся в РГВИА (Ф. 1. Оп. 1. Д. 21979; Ф. 481. Оп. 1. Д. 664. Л. 32–45 (Письма к М. Д. Горчакову)).

32 Это противоречит выводу Рейшеля о том, что способности Жомини как эксперта никогда никем не оспаривались (Reichel, art. cit., p. 73).

33 Schubert, Friedrich von. Unter dem Doppeladler. Erinnerungen eines Deutschen in russischem Offiziersdienst 1789–1814 / Herausgegeben und eingeleitet von Erik Amburger. Stuttgart, Koehler, 1962. Ss. 314–315. Генерал Шуберт был членом комитета, который в 1829–1830 гг. составил проект о военной академии. Жомини возглавлял этот комитет.

Ниже мы вернемся к вопросу о различии между Жомини как автором и Жомини как военным советником, а также к вопросу о его маргинальности в русской армии. Но прежде всего важно выяснить положение Жомини во время кампании 1828 года.

Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Леконт, написавший биографию Жомини, посвятил лишь небольшой абзац участию своего героя в войне 1828–1829 гг., несомненно, основываясь на сведениях, которые ему сообщил сам Жомини: «Кампания против Турции отвлекла его от работы»³⁴. Он отправился в экспедицию вместе с императором Николаем и оказал ему выдающиеся услуги, особенно при штурме Варны и в ходе планирования второй кампании. Без его вмешательства осада Варны, вероятно, была бы снята, и он за свое участие в ней получил орден Св. Александра»³⁵.

Таким образом, согласно Леконту, Жомини активно участвовал в этой кампании. Но как ни странно, эти «выдающиеся услуги» не фигурируют в литературе о русско-турецкой войне 1828–1829 гг.; Жомини вообще едва упоминается в связи с этой войной, а та возможная роль, которую он играл в планировании военных операций, становилась предметом лишь поверхностных дискуссий. Более того, записки и письма, адресованные им до и во время кампании русскому императору Николаю I, были изданы лишь частично. Глиноецкий в своей фундаментальной работе о российском Генеральном штабе³⁶ отмечает, что в архивах сохранилось множество предложений о том, как воевать с турками, и особенно значительно число записок, поданных Жомини в 1828 г. Кроме того, по словам Глиноецкого, никто не придавал значения этим запискам, что сильно задевало Жомини³⁷. Часть этих записок и писем, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве³⁸, была издана Шильдером в его переводе истории этой кампании, написанной Мольтке³⁹. На основе публикации Шильдера Н. Епанчин сделал краткий обзор мнений Жомини относительно военных операций против турок за Балканским хребтом⁴⁰.

Остается, разумеется, вышеупомянутая статья Рейшеля⁴¹. Про-

34 Леконт имеет в виду проект военной академии.

35 Lecomte. Op. cit. 1860. P. 239.

36 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894.

37 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894. С. 33.

38 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586.

39 Мольтке. Указ. соч. 1876–77. С. 210–234.

40 Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Т. II. СПб., 1906. С. 13–14.

41 Reichel. Op. cit. 1982.

блема в том, что она основана исключительно на воспоминаниях Жомини, и Рейшель снова воспроизводит описание самого Жомини. Я ставлю перед собой ту же задачу, что и Рейшель, а именно — выяснить положение Жомини в русской армии вообще, и во время кампании 1828 г. в частности. Как уже упоминалось, Жомини отправил Николаю I несколько записок и писем, в которых выражал свое мнение по поводу военных операций. К несчастью, уже невозможно выяснить, кто их читал, и оказали ли они какое-либо прямое или косвенное влияние на принятые решения. Кроме того, не менее трудно судить об их ценности или оригинальности. Однако, в этих документах содержатся элементы, позволяющие нам понять, каким образом сам Жомини оценивал свою позицию военного советника при императорском штабе. Соответственно, кампания становится фоном для этого анализа, а в центре внимания окажутся попытки Жомини оказать какое-либо влияние на ее ход. Отсюда мы попытаемся провести связи с другими периодами его жизни.

Подготовка к войне

25 апреля (7 мая) 1828 г. 2-я армия под командованием Витгенштейна в трех местах форсировала Прут и приступила к оккупации Молдавии и Валахии⁴². Примерно двумя неделями ранее Жомини, еще находясь в Санкт-Петербурге, подал императору Николаю I письмо и записку⁴³, в которых излагал свои идеи по поводу грядущей кампании. Первые строки письма свидетельствуют, что у Жомини никто не спрашивал совета по этому поводу: «Если Ваше Величество точно осведомлены о моем прошлом, то убежден, что Они соизволят выслушать меня в отношении этих важных вопросов». Согласно Жомини, его пригласил в Россию Александр I именно для того, чтобы консультироваться с ним в подобных случаях, и Жомини даже в мирное время составлял для него записки о возможных войнах⁴⁴. Таким образом, письмо и записка появились на свет по инициативе самого Жомини. Более того, Жомини даже оставался в неведении о планах на предстоящую кампанию. Ссылаясь на свою записку, он пишет: «Если бы я имел более определенные сведения о наших политических отношениях и состоянии ос-

42 Moltke, Helmuth von. Der russisch-türkisch Feldzug in der europäischen Türkei 1828 und 1829. Berlin, G. Reimer, 1845, p. 62.

43 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 95, 96–100. На письме имеется пометка «Санкт-Петербург, 13 апреля 1828». Оба документа были переведены на русский и опубликованы Шильдером (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 210–221).

44 На самом деле Жомини нередко выступал со своими идеями, не дожидаясь приглашения. В качестве примера можно привести вышеупомянутую записку о британском господстве на морях, составленную во время Венского конгресса.

манского войска, а также о наших силах, то мог бы принести больше пользы; однако сие было не в моей власти».

В своей записке⁴⁵ Жомини, убежденный в том, что невозможно заранее составить план всей кампании, выделяет четыре ключевые операции. Во-первых, армии следует форсировать Дунай, осадить крепости и изгнать врага за Балканский хребет. В ходе второй операции необходимо сосредоточить армию на равнинах Шумлы⁴⁶, где, вероятно, будет проходить главная линия вражеской обороны. Третьей операцией станет сражение со врагом. Если он уклонится от сражения, следует перейти к четвертой операции: либо осадить Шумлу, либо наступать на Адрианополь⁴⁷, вынуждая врага прикрыть этот город. Рассматривая две эти возможности, Жомини указывает, что «в стратегическом плане не следовало бы переходить Балканский хребет, не изгнав главную часть вражеских сил из Шумлы». Кроме того, следует принимать во внимание и политическую ситуацию в Европе. При наличии сомнений Жомини советует проявить осторожность и растянуть войну на две кампании. В течение первой кампании следует взять Варну, Силистрию и Русчук⁴⁸, что послужит фундаментом для второй, менее рискованной кампании.

Три дня спустя, 16 (28) апреля, Жомини отправил Николаю I новое письмо, которым вносил некоторые исправления в свою записку⁴⁹. Интереснее всего последние несколько строк. Очевидно, Дибич, начальник Главного штаба, обещал Жомини, что Николай перед отъездом удостоит его аудиенции, которую тот «испрашивал по серьезным причинам». Свое письмо Жомини завершает с типичным для него пафосом: «Не могу заставить себя поверить, что буду иметь несчастье засвидетельствовать отъезд Вашего Величества, не будучи выслушан... Я прошу не о милости; мною движет лишь потребность узнать, достоин ли я быть генерал-адъютантом Вашего Величества». Как мы увидим, Жомини так и не дождался аудиенции.

Судя по его письму, по крайней мере первоначально Жомини не получил приказа сопровождать императора на Дунай⁵⁰. Не вполне ясно, получил ли он вообще такой приказ, и почему он в конце кон-

45 Она носит название «Observations sur la Guerre de Turquie».

46 Ныне Шумен — город на северо-востоке современной Болгарии.

47 Современный Эдирне в Турции.

48 Русе в современной Болгарии, на правом берегу Дуная.

49 Письмо Жомини Николаю I. Помечено Санкт-Петербургом, 16 апреля 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 77). Это письмо обсуждается Шильдером в его переводе книги Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 221–222).

50 Однако, в письме к Дибичу, объясняя свое затруднительное финансовое положение, Жомини указывал, что ему нужны деньги на содержание семьи, пока он будет в отъезде, а также кое-какие средства для самого себя на время кампании. Письмо помечено Санкт-Петербургом, 18 марта 1828 (РГВИА. Ф. 395. Оп. 17. 1828 г. Д. 18. Л. 4). Таким образом, если Жомини писал правду, он уже в марте знал о своем грядущем участии в кампании.

цов выехал из Санкт-Петербурга в армию. Согласно воспоминаниям Жомини, ему было суждено сопровождать императора⁵¹. Из других источников известно, что Николай покинул Санкт-Петербург 26 апреля (8 мая) в сопровождении А. Бенкендорфа, шефа корпуса жандармов и начальника императорской главной квартиры, а также генерал-адъютанта Жомини, принца Вюртембергского и ряда представителей дипломатического корпуса⁵². После этого императорская главная квартира была разделена на несколько частей. В первую входили лица, сопровождавшие императора: начальник Главного штаба Дибич, генерал-квартирмейстер Сухтелен, Бенкендорф и другие. Жомини, Васильчиков и Трубецкой оказались во второй части⁵³. Это подтверждает и Жомини в своих воспоминаниях, сетуя на такое разделение главной квартиры. По его словам, причиной того, что ряд наиболее опытных генералов отставали от императора на целый день, могла быть только зависть со стороны Дибича и Бенкендорфа⁵⁴.

27 мая (8 июня) 1828 г. Николай I прибыл в Сатуново, где велась подготовка к форсированию Дуная 3-м корпусом. Сразу после его прибытия началась переправа. На следующий день через Дунай переправился сам император, и к 30 мая (11 июня) на правом берегу реки находилось уже 35 тысяч солдат 3-го корпуса. Оттуда 3-й корпус начал наступление на Карасу⁵⁵, куда главные силы, а также императорский штаб прибыли 6 (18) июня. Здесь наступление пришлось остановить, поскольку главный отряд насчитывал лишь 12–15 тыс. солдат. Иными словами, из 75 тыс. солдат, перешедших через Прут, 60 тыс. пришлось оставить для осады различных крепостей и прикрытия операционных линий. На осаду одного лишь Браилова⁵⁶ был выделен весь 7-й корпус, т. е. треть всей армии⁵⁷.

Лагерь в Карасу

Только в Карасу Жомини, которого Николай I так ни разу и не принял, предпринял новую попытку привлечь к себе внимание императора, но явно не добился особого успеха. В пись-

51 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

52 Столетие Военного Министерства 1802–1902. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1908. С. 239–241. Однако в письме Чернышеву от января 1830 г. Жомини утверждал, что выехал из Санкт-Петербурга, направляясь в сторону Турции, 2 мая 1828 г. (РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2116. Л. 19).

53 Столетие Военного Министерства 1802–1902. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1908. С. 358–359.

54 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

55 Историческое название современной Меджидии, города на юго-востоке Румынии между Дунаем и Черным морем.

56 Браила, город в современной Румынии на Дунае.

57 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1905. С. 418.

ме Николаю I⁵⁸ Жомини утверждал, что никогда не сомневался в успехе операции за Балканским хребтом силами армии в 75–80 тысяч человек, но только при наличии обсервационного корпуса в 50–60 тыс. человек, размещенного между горами и Дунаем для сдерживания врага в Силистрии, Рушуке, Шумле и Варне. Однако, рассматривая текущую ситуацию, Жомини заключал, что на тот момент русской армии недостаточно сил для вторжения за Балканы при одновременной охране долины Дуная. Он предлагал дать туркам сражение между Базарджиком⁵⁹ и Шумлой, заманив их туда мнимым отступлением, а если они не клюнут на эту уловку, осадить и взять Шумлу, одновременно отдельным отрядом атаковав Варну. Он писал, что не знает, планируется ли такая операция и имеется ли флотилия, готовая оказать ей содействие. Короче говоря, Балканы можно пересечь лишь после прибытия подкреплений и взятия либо блокирования Варны и Шумлы. Жомини прибавлял, что в случае операции против Адрианополя Николай должен доверить ее проведение одному из генералов, а сам остаться в обсервационной армии, учитывая все неудобства, связанные с присутствием императорской квартиры и самого императора в столь негостеприимной области.

Очевидно, с тех пор как Жомини оказался в армии, его положение при императорской квартире не изменилось, и эта ситуация явно приводила его в полное отчаяние. Свое письмо он закончил следующими словами: «Вероятно, я в последний раз докучаю Вашему Величеству; меня слишком удручает перемена, замечаемая мной в Его благосклонности ко мне, чтобы осмелиться потревожить Его еще раз. Я буду держаться в скромной ничтожности, с диктуемым моей совестью убеждением в том, что с момента коронации Вашего Величества не сделал ничего, чтобы утратить высокое расположение, которым Они удостоили почтить меня в то время⁶⁰. Удалившись от дел, я буду жалеть лишь об одном — что не смогу сражаться с врагами Вашего Величества, оставляя Его посреди своих [врагов] ».

На протяжении всех своих воспоминаний Жомини упорно внушает читателю мысль о врагах, непрерывно препятствовавших его карьере. Во Франции это был Бертье, во время кампании 1813 г. против французов — австрийцы, а в России — Чернышев, Дибич, Толь, Бенкендорф и многие другие. По его убеждению, именно эти

58 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 15 июня 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 78–80). Переведено на русский и опубликовано Шильдером в его переводе книги Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 222–226).

59 Ныне — Добрич, город в северо-восточной Болгарии.

60 Как уже отмечалось, Жомини, по его воспоминаниям, находился в очень хороших отношениях с Николаем в момент его коронации в Москве в 1826 г.

люди несли ответственность за его неудовлетворительное положение, сперва во Франции, а затем и в России. Трудно сказать, насколько правдивы его обвинения, или же они служат лишь оправданием для читателей его воспоминаний, а возможно, и для него самого. К этому вопросу мы вернемся позже.

Всего несколько дней спустя, по-прежнему находясь в лагере у Карасу, Жомини послал Николаю I еще одно письмо, в котором высказался по поводу проводившихся накануне маневров⁶¹. На следующий день, 20 июня (2 июля), он написал новое письмо и записку о боевых построениях при сражениях с турками⁶². В этом письме Жомини вернулся к вопросу об аудиенции, которой добивался еще в феврале и которой так и не был удостоен: «Не получив испрашиваемой аудиенции, я был вынужден ознакомить его превосходительство генерала Дибича лишь с отдельными сторонами моего личного положения; *остальное я сообщил ему вчера*. Государь, осмелюсь признаться в ужасной тяжести, лежащей у меня на душе... Вот уже целый год, как Ваше Величество ни разу меня не выслушали... " И такую ситуацию он снова приписывал проискам врагов в императорском окружении: „Должно быть, мой статус чужестранца, мое личное положение, мой немного вспыльчивый характер создают мне врагов, в том числе и в окружении Вашего Величества“. Далее он объясняет, что продолжает посылать Николаю «обрывки своих размышлений о войне» в надежде, что император вспомнит об аудиенции и даст ему шанс показать себя таким, каким он является на деле, а не каким его изображают враги.

Жомини явно стремился играть более активную роль в русской армии. Дело не только в аудиенции; Жомини хотел приносить пользу своими советами: «Я очень хорошо знаю, что не имею права быть приглашенным в близкий круг советников Вашего Величества, в какой я входил прежде, при Александре I»⁶³. Таким образом, истинной проблемой Жомини считает то, что не входит в число ближайших военных советников Николая. Вообще говоря, с ним консультировались по таким вопросам, как военное образование, а после войны он даже являлся председателем комитета по разработке проекта военной академии. Однако, находясь на русской службе, Жомини не играл серьезной роли в планировании военных операций

61 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 19 июня 1828. К письму приложен набросок с изображением боевых построений (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 88–89, 90). Жомини упоминал эти маневры в своих мемуарах.

62 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 20 июня 1828. Записка озаглавлена «Dernières observations sur l'ordre de bataille et les carrées» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 91–92, 93–94).

63 Однако отметим, что в целом при Николае I его положение улучшилось по сравнению с правлением Александра I, когда Жомини почти не появлялся в России.

и никогда не командовал войсками. Он был военным историком, теоретиком — знаменитым, но лишь благодаря своим произведениям, а не полководческим талантам. Жомини досадовал на такое состояние дел, и его чаяния ясно видны в письме, которое он написал жене примерно месяц спустя (см. ниже).

Тем временем главные силы русской армии перешли из Карасу к Базарджику. Николай I вместе с главными силами 3-го корпуса прибыл туда 28 июня (10 июля); на следующий день из-под Браилова пришел 7-й корпус. 4 (16) июля армия покинула Базарджик и 6 (18) июля заняла Ени-Базар⁶⁴. Два дня спустя основные силы, а с ними и император, направились к Шумле, которую занимало около 40 тыс. турок под командованием Сераскер Хуссейн-Паши. У русских в тот момент под Шумлой находилось около 30 тыс. человек, и они надеялись выманить турок на бой⁶⁵, но их надежды не оправдались. Штурм города силами 30 тысяч человек был невозможен, как и осада — из-за отсутствия у русских осадной артиллерии. Поэтому Шумла была только обложена⁶⁶. 21 июля (2 августа) Николай покинул армию⁶⁷. 24 июля (5 августа) он прибыл под Варну, откуда морем вернулся в Одессу⁶⁸.

В то время как некоторые генерал-адъютанты уехали вместе с императором, Жомини предпочел остаться под Шумлой. «[Я] надеялся принести пользу рядом с графом Витгенштейном, который командовал армией в отсутствие повелителя⁶⁹, и чей начальник штаба Киселев был одним из моих друзей»⁷⁰, — писал Жомини несколько десятилетий спустя в своих воспоминаниях. В письме жене⁷¹ Жомини выразился не столь оптимистично: «Здесь я принесу так же мало пользы в служении императору и ради собственной славы, как и за последние два месяца. Настрой не изменился... И у меня не осталось ни малейшей надежды изменить его... Я должен научиться русскому, чтобы получить командную должность: только так можно выбраться из пропасти [...]». Но, по его словам, на то, чтобы выучить русский, уйдет много времени, и когда он овладеет этим языком, уже настанет пора умирать⁷². Жомини снова высказывал

64 Нови-Пазар, город на северо-востоке Болгарии.

65 Фактически именно это Жомини предлагал в своей записке «Observations sur la Guerre de Turquie», поданной императору в апреле (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 96–100).

66 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. 1905. С. 421–422.

67 Лукьянович Н. Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Т. 1. СПб., 1844. С. 232.

68 Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 197–198.

69 Николая I.

70 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

71 Письмо Жомини жене. Помечено 22 июля 1828 (Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne (BCU / D), IS 5413).

72 В реальности Жомини так никогда и не выучил русский. Согласно его воспо-

подозрения, что против него интригуют, но он не знает, кто именно и каким образом, но считал, что все дело в его откровенности, и замечал, что тому, кто хочет подольститься к начальству и тем самым добиться успеха, следует уметь скрывать правду.

Вероятно, где-то в начале августа⁷³ Жомини выехал из-под Шумлы в Варну. Согласно его воспоминаниям, он надеялся оказаться полезным А. С. Меншикову, который руководил осадой Варны, но прибыл туда через два дня после того, как тот был ранен⁷⁴, и застал лишь его отъезд⁷⁵.

Осада Варны

В начале июля⁷⁶ отряд Сухтелена, насчитывавший 4–4,5 тыс. солдат, подошел к Варне, чтобы прикрыть главные силы, стоявшие под Шумлой. Несколько дней спустя к нему присоединился генерал Ушаков с полуторатысячным отрядом. К тому моменту в Варне находился гарнизон примерно в 15 тыс. человек⁷⁷. Небольшие русские силы не могли даже блокировать город, поэтому они лишь наблюдали за обстановкой. 16 (28) июля прибыла бригада из взятой русскими Анапы, а за ней через несколько дней последовал вице-адмирал князь Меншиков, назначенный командовать осадой Варны. На якорь у города 22 июля (3 августа) встал российский Черноморский флот под командованием адмирала Грейга. Русские осадили Варну с северной стороны, но южная оставалась свободной, потому что им не хватало людей⁷⁸.

Таким образом, осаду Варны начал Меншиков, прибывший под Варну 20 июля (1 августа). В его распоряжении находилось около 10 тыс. солдат⁷⁹. Поскольку в поставках всего необходимого для осады Меншиков полностью зависел от флота, инженер-

ные работы были начаты на северо-восточной окраине Варны, между первым и вторым бастионами, где имелось сообщение с морем⁸⁰. Одновременно Варну атаковал и русский флот. 9 (21) августа, во время вылазки варненского гарнизона, Меншиков был ранен в обе ноги пушечным ядром. Лишившись возможности руководить осадой, он был временно заменен начальником штаба генерал-майором Перовским⁸¹. В конце концов Меншикова сменил генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Воронцов, приехавший под Варну 17 (29) августа и принявший командование на следующий день⁸². К концу августа из Петербурга наконец прибыла гвардия⁸³, а 27 августа (8 сентября) в Варну из Одессы приехал Николай I, оставшись на борту корабля «Париж»⁸⁴.

Согласно воспоминаниям Жомини, император предложил ему, как и его коллегам, каюту на корабле. Однако, Жомини, находясь в дружеских отношениях с Воронцовым, который организовал ему палатку рядом со своей собственной, предпочел остаться в лагере. Кроме того, Жомини писал, что Шеншин⁸⁵, начальник штаба Воронцова, был одним из его друзей, и что он сам чувствовал себя там «оцененным и полезным». Наконец, Жомини оставался там еще и из любопытства, впервые став свидетелем инженерных работ при осаде⁸⁶.

Вскоре после прибытия Николая Жомини возобновил попытки привлечь внимание императора к своим идеям насчет текущей кампании. Первой такой попыткой стала записка, в которой он перечислил сделанное в ходе кампании и предложил дальнейшие шаги⁸⁷. Он снова сетовал на свое положение: «В лагере под Карасу я подал ряд мыслей относительно общих операций, но не имел никаких сведений ни о силах, реально имевшихся в нашем распоряжении, ни о силах врага, и не имел генерал-квартирмейстерских полномочий для получения этой информации». Далее Жомини писал,

минаниям, он пытался обучиться этому языку, «столь трудному для любого иностранца», во время своего первого пребывания в России в 1816–1817 гг. Однако, покинув Россию, он явно отказался от этих намерений (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ, ТАР 0195 / ТАР 0196).

73 По григорианскому календарю — в середине августа.

74 Меншиков был ранен 9 (21) августа.

75 Здесь у Жомини налицо явная неточность. Меншиков лишился возможности командовать войсками, но очевидно, остался под Варной. Согласно Лукьяновичу, император навесил его, вернувшись из Одессы 27 августа (8 сентября) (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 334–335).

76 По григорианскому календарю — в середине июля.

77 5 (17) июля в Варну с юга вошел прибывший из Константинополя капуданпаша с 5 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 139).

78 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. 1905. С. 426–427.

79 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 295. Согласно Мольтке, у Меншикова имелось около 9 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 141).

80 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 300–303.

81 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 315–317.

82 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 321. Согласно Мольтке, Воронцов прибыл 15 (27) августа (Moltke. Op. cit. 1845. P. 145).

83 Первый отряд прибыл 23 августа (4 сентября), остальная часть — 27 и 28 августа (8 и 9 сентября) (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 329 и 332). По Мольтке, после этого русское осадное войско насчитывало около 18–20 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 150).

84 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 344.

85 Шеншин сменил Перовского в должности начальника штаба осаждающих войск после того, как последний был ранен 1 (13) сентября (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 95–96).

86 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ, ТАР 0195 / ТАР 0196.

87 Quelques observations sur ce qui s'est fait dans la campagne et sur ce qui reste à faire. Помечено Варной, 29 августа 1828 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 73–76). Записка была переведена на русский и опубликована Шильдером в его переводе Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 226–233).

что просил разрешения находиться под Шумлой, потому что это место служило прикрытием для осады и Силистрии, и Варны и он надеялся принести там пользу. Но жаловался, что не был осведомлен о ходе операций: " [Я] провел в лагере десять дней, а о происходящем знаю не больше, чем последний солдат». Жомини указывал на ошибки, допущенные в ходе кампании. Одна из проблем состояла в том, что русским не хватало сил для предпринятых ими операций, но по мнению Жомини, главная ошибка заключалась в халатном отношении к осаде Варны⁸⁸. Но после взятия Варны оставалось лишь захватить Силистрию, чтобы обеспечить русской армии достойные зимние квартиры⁸⁹. Жомини предлагал ряд вариантов дальнейших операций, но как он писал, отказывался делать выбор: «Если бы я имел в своих руках безраздельное командование армией, то предпочел бы атаковать Шумлу, что более соответствовало бы моему жизненному опыту и характеру; но в скромной роли советника я склонен предпочесть последний вариант [т. е. ограничиться взятием Варны и Силистрии и отправить армию на зимние квартиры] как наиболее осторожный». Ясно осознавая свою роль, он в реальности занимал отчетливую позицию⁹⁰.

Все это время Жомини видимо не занимал никакой определенной должности. В своих воспоминаниях он пишет, что заскучал и в письме к императору просил более активно его задействовать

88 Мольтке в своем описании кампании разделял его мнение. Он писал, что судя по первоначальным маневрам русской армии, Варна признавалась русскими как главная цель кампании. Этот город имел большое стратегическое значение по двум причинам: во-первых, он располагался на кратчайшем пути из России в Константинополь; во-вторых, он мог выполнять роль порта для снабжения армии по морю всем необходимым. Однако оставление главными силами дороги, ведущей в Варну (4 / 16 июля), стало поворотным пунктом в кампании. Мольтке указывает на то, что Варна была временно оставлена без внимания из-за того, что русским не хватало сил, чтобы осадить ее и одновременно прикрыть осаду от внешних атак. Более того, из Анапы еще не была доставлена осадная артиллерия. В результате русские сосредоточили свои усилия на овладении Шумлой. Тем не менее, Мольтке усматривает в этом изменении первоначального плана крупную стратегическую ошибку, допущенную русскими. Даже при ограниченности ресурсов, необходимых для штурма Варны, заблаговременное и полное окружение города подготовило бы формальную осаду. И в то время как взятие Шумлы не давало больших преимуществ, взятие Варны имело решающее значение, так как послужило бы основой для дальнейших операций (Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 111–114).

89 В реальности лишь Варна была взята в ходе кампании 1828 г. Обладание Варной позволило русским остаться в Болгарии.

90 8 (20) сентября Жомини отправил императору еще одно письмо, в котором подчеркивал, что после взятия Варны остается только захватить Силистрию и после двух этих операций армия не сможет предпринять что-либо серьезное за Балканским хребтом. Письмо Жомини императору. Помечено лагерем у Варны, 8 сентября 1828. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 81–82). Цитируется Шильдером по-французски в примечании к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 233–234).

с тем, чтобы он мог принести больше пользы. На следующий день, по словам Жомини, император ответил ему: «Генерал, я всегда считал должность при моей персоне наиболее завидной; но если вы ею не удовлетворены, можете уезжать». Жомини написал второе письмо, в котором объяснял, что руководствовался одним лишь стремлением оказаться более полезным. Николай на следующий день сказал, что неверно понял его побуждения⁹¹.

Осада тем временем продолжалась. 2 (14) сентября были взорваны мины, заложенные русскими под первый бастион, и в нем образовалась брешь⁹². 4 (16) сентября наконец прибыла осадная артиллерия⁹³. К 10 (22) сентября русские проделали уже две пригодные бреши, одну — в первом бастионе, и еще одну — в куртине между ним и вторым бастионом⁹⁴. 15 (27) сентября начался следующий этап осады. Полковник Шильдер в представленном им плане предлагал взять Варну без штурма. Николай одобрил этот план⁹⁵. Теперь все усилия были направлены на то, чтобы разрушить минами как можно больше укреплений и тем самым убедить турок капитулировать ввиду все более явной угрозы русского штурма⁹⁶.

21 сентября (3 октября) под первым бастионом была взорвана еще одна мина⁹⁷. На следующий день были взорваны две мины под вторым бастионом. По сообщениям турецких пленников, несколько сотен турок было убито и ранено. Тем не менее они открыли огонь сразу же после взрыва. Согласно Мольтке, мины взорвались удачно и можно было штурмовать Варну без дальнейших приготовлений⁹⁸. Но на первом бастионе русским повезло меньше, поэтому решили штурмовать этот бастион 25 сентября (7 октября)⁹⁹. План состоял в том, чтобы выбить турок с первого бастиона и соорудить там ложемент¹⁰⁰.

91 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196. В ходе поисков, проведенных мной в русских архивах, я не нашел никаких документов, которые бы подтверждали рассказ Жомини.

92 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 96. Согласно Мольтке, эта брешь вполне годилась для штурма. Однако Варна была взята лишь 27 дней спустя (Moltke. Op. cit. 1845. P. 201). Варна капитулировала 29 сентября (11 октября).

93 Примечание Шильдера к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 260).

94 Moltke. Op. cit. 1845. P. 158.

95 Примечание Шильдера к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 267).

96 Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 159–160.

97 Moltke. Op. cit. 1845. P. 170.

98 Moltke. Op. cit. 1845. P. 173.

99 Moltke. Op. cit. 1845. P. 175.

100 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 109. Ложемент — сооружение, возведенное осаждающими во взятой ими части укреплений с целью защиты от контратак.

Жомини в своих воспоминаниях привел достаточно подробное описание последнего этапа осады. По его словам, после взрыва мины под левым¹⁰¹ бастионом русским следовало штурмовать Варну, но подготовка к штурму велась столь непоследовательно, что они были вынуждены ждать прибытия из Шумлы пехотной дивизии, поскольку император не желал использовать при штурме гвардию, а численность осадного корпуса не превышала 6 тыс. человек¹⁰². Далее он пишет, что тем временем было решено воздвигнуть ложемент на рухнувшем бастионе. «Правда, я не был инженером, но не понимал, зачем строить укрепление, чтобы закрыть брешь, которую было так трудно проделать и которая выходила прямо на улицы города». Жомини считал это предприятие не только бессмысленным, но и опасным, и решил сообщить свои соображения императору в отправленной ему записке.

В РГВИА действительно хранится такая записка, вместе с письмом Николаю, отправленным Жомини из лагеря под Варной¹⁰³. В записке Жомини подчеркивал, что пробитую брешь следует использовать для штурма Варны: «Инженерная наука заключается в том, чтобы *разрушить укрепления*; и как только они будут разрушены, брать их должны не саперы, а солдаты. Сейчас же мы имеем пригодную брешь в подходящем месте для атаки». Создание ложементов — только потеря времени, которое враг может использовать для того, чтобы восстановить разрушенный участок городских укреплений. Ложемент имеет смысл лишь в том случае, если внутри имеются укрепления, отделяющие брешь от города, но не на бастионе, открытом в сторону города.

¹⁰¹ Т. е. первым.

¹⁰² Вероятно, Жомини имел в виду численность русских войск, стоявших под Варной до прибытия гвардии. Если в распоряжении у Меншикова изначально имелось около 10 тыс. человек, то, следовательно, в осаде могло принимать участие лишь около 7 тыс. пехотинцев, поскольку кавалерию можно было использовать только с южной стороны крепости (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 300).

¹⁰³ Письмо Жомини Николаю I и записка «Sur les assauts en général et sur celui de Varna en particulier» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 84, 85–86). Записка помечена 14 сентября, а письмо — 15 сентября 1828 г. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой хронологии событий. Из того, как они описаны в воспоминаниях Жомини, следует, что он имел в виду взрыв под первым бастионом, который произошел 21 сентября (3 октября). Именно после этого взрыва было решено штурмовать бастион и возвести там ложемент, что подтверждается и у Мольтке, и у Лукьяновича. Однако, записка и письмо датированы 14 и 15 сентября соответственно. Если эта датировка верна, они были написаны до взрыва под первым бастионом. Согласно Мольтке, в нем и до этого имелись пригодные для штурма бреши, и Жомини мог говорить о них. Однако Жомини в одном месте своей записки упоминает именно возведение ложемента на бастионе, имеющем брешь на внутренней стороне. В любом случае, наверняка можно сказать только, что Жомини выступал за штурм, который противоречил плану Шильдера, одобренному императором.

Далее Жомини в своих воспоминаниях переходит к штурму первого бастиона, состоявшемуся 25 сентября (7 октября). Он утверждает, что сопровождал Шеншина в траншеи.

Вечером 24 сентября (6 октября) была разработана диспозиция для штурма первого бастиона. Штурм начался 25 сентября (7 октября) в 5 часов утра¹⁰⁴. Половина ложемента была уже построена, когда полковник Лисецкий, командовавший экспедицией, получил смертельное ранение. Командование над штурмовыми отрядами принял князь Лобанов-Ростовский, до того командовавший резервами¹⁰⁵. Часть штурмующих пробилась к самому центру крепости, не заботясь о том, следуют ли за ними подкрепления. Инженеры тем временем продолжали свою работу. Русские подвергались атакам со всех сторон и понесли большие потери. Через два часа они оставили бастион, потеряв 4 офицеров и 97 солдат убитыми, а также 16 офицеров и 247 солдат ранеными¹⁰⁶. В итоге бастион остался в руках турок¹⁰⁷.

Похоже, что Жомини был прав, когда призывал не строить ложемент. В тот же день, вероятно, не без удовлетворения, он отправил письмо Николаю I¹⁰⁸: «Я взял на себя смелость подать Вашему Императорскому Величеству записку о штурмах, в которой писал, „что не знаю ни одного трактата о военно-инженерном деле, в котором говорилось бы о возведении ложементов на бастионах, открытых внутрь укрепленного места, и что не понимаю смысла такого ложемента, потому что на бастионе, в котором осаждающие проделали хорошую брешь, остается работа только для бойцов“. Ваше Величество на следующий день удостоили меня ответом, что Вы це-

¹⁰⁴ Согласно воспоминаниям Жомини, штурм начался в час ночи (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

¹⁰⁵ В отношении участников этого штурма в воспоминаниях Жомини, вероятно, содержится ряд неточностей. По словам Жомини, Лобанов-Ростовский с самого начала командовал штурмом (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

¹⁰⁶ Согласно воспоминаниям Жомини, русские только ранеными потеряли от 500 до 600 человек, не считая убитых (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196). Мольтке пишет, что по русским источникам, раненых и убитых насчитывалось около 200 человек, а по другим источникам убито было 80 человек и ранено 300 (Moltke. Op. cit. 1845. P. 177).

¹⁰⁷ Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 109–116. Жомини в своих мемуарах рассказывал, что его адъютант вызвался на штурм добровольцем и во время боя был ранен пулей. Действительно, вернувшись в Санкт-Петербург, Жомини просил о том, чтобы прапорщик гвардейского Семеновского полка Касадаев, служивший у него адъютантом во время этой кампании, за свои заслуги получил чин подпоручика. Касадаев был повышен в чине, хотя за доблесть, проявленную при штурме бастиона 25 сентября 1828 г., уже был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (РГВИА. Ф. 395. Оп. 83. 1828 г. Д. 168).

¹⁰⁸ Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем под Варной, 25 сентября 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 87).

ликом разделяете мое мнение. Сегодня оно подтвердилось, поскольку даже если бы наши солдаты не зашли слишком далеко в центр города, сомневаюсь, чтобы такой ложемент причинил врагу много беспокойства».

Вскоре после неудачного штурма первого бастиона Варна капитулировала. Причины капитуляции у различных авторов называются самые разные. Жомини в воспоминаниях рассказывает, что вернувшись в палатку, он предался размышлениям о том, как уменьшить эффект, который эта неудача должна была произвести на готовность врага к сопротивлению. Он утверждает, что в тот же самый день послал Воронцову¹⁰⁹ записку, в которой предлагал направить капудан-паше требование о капитуляции, дав ему понять, что он не сможет защитить город с совершенно разрушенными укреплениями, который едва не был взят небольшим отрядом, действовавшим вопреки полученным приказам. Через 24 часа город будет атакован 30 тысячами бойцов, и весь его гарнизон будет предан мечу. По словам Жомини, Николай I не согласился с ним, но поскольку Воронцов одобрил эту идею, император отправил Жомини к Дибичу, чтобы узнать его мнение. Опять же, согласно Жомини, получив одобрение Дибича, он лично составил письмо, которое было переведено на турецкий и доставлено капудан-паше полковником Лобановым-Ростовским. После двух дней размышлений гарнизон капитулировал, за исключением одного отряда, который вместе с капудан-пашой выбрался из Варны с южной стороны. Остальные 8 или 10 тысяч турок сложили оружие¹¹⁰.

Соответственно Жомини проводил причинно-следственную связь между якобы написанным им письмом и капитуляцией Варны. В своих воспоминаниях он утверждает, что без его совета русским пришлось бы снять с Варны осаду из-за нехватки продовольствия и приближения зимы. Император же за этот совет наградил его орденом Св. Александра Невского¹¹¹.

И Лукьянович¹¹², и Мольтке¹¹³ отчасти подтверждают версию Жомини, однако не упоминают его имени. По их сведениям,

109 Согласно Жомини, они придерживались одного мнения относительно операции (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

110 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

111 Согласно формулярному списку Жомини за 1854 г., он действительно получил в 1828 г. орден Св. Александра Невского, однако формуляре не говорится, за какие заслуги (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 14–15).

112 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118. Его описание войны носит очень фрагментарный характер и сосредоточено на описании героизма русской армии. Например, он писал, что хотя первый бастион и был оставлен после атаки, ее цель была достигнута — туркам дали понять, что им не удастся долго удерживать Варну (Там же. С. 116). И Жомини, и Мольтке придерживались на этот счет другого мнения.

113 Moltke. Op. cit. 1845. P. 178.

с согласия императора капудан-пашу уведомили о том, что часть солдат ворвалась в город лишь вследствие неумеренного рвения, их малая численность доказывает, что русские не имели намерения штурмовать Варну, однако вчерашняя атака явственно продемонстрировала возможность успешного штурма¹¹⁴. Тем не менее Лукьянович и Мольтке пришли к диаметрально противоположным выводам в своей оценке воздействия, которое это послание оказало на командующих варненского гарнизона. Лукьянович вслед за Жомини увидел здесь прямую связь. По его словам, капудан-паша и Юсуф-Паша были убеждены, что теперь русским уже ничто не помешает войти в крепость, и после некоторых колебаний, главным образом вызванных присутствием армии Омер-Вриони на высотах в окрестностях Варны, согласились на переговоры о сдаче, которые состоялись на следующий день между Юсуф-Пашой и адмиралом Грейгом. Через день, 28 сентября (10 октября), Юсуф-Паша, объявил, что русские выставили слишком суровые условия и что капудан-паша решил оборонять Варну до последнего человека, запереться в цитадели и взорвать ее вместе со всеми защитниками. Сам Юсуф-Паша не вернулся в крепость, сдавшись в плен русским. Опять же, согласно Лукьяновичу, войска под командованием Юсуф-Паши, услышав об этом, прислали депутацию, сообщившую, что они готовы сдаться русским и немедленно покинуть Варну. Позже в тот день оружие сложили около 4 тыс. турок. После этого артиллерийский огонь, остановленный на время переговоров, возобновился, и русским сдались многие жители города. Наконец, 29 сентября (11 октября), сдался и капудан-паша. Николай I отпустил его вместе со свитой и частью войска, всего около 800 человек. Кроме того, на свободу были отпущены и войска Юсуф-Паши, после того как они разоружились и дали клятву больше не сражаться против русских на этой войне. Остатки гарнизона — около 6000 человек — были отправлены в Россию как военнопленные. Юсуф-Паша, опасаясь, что в Турции его казнят, попросил взять его в Россию вместе с сыном и свитой, и его просьба была исполнена¹¹⁵.

Мольтке же, со своей стороны, обходит молчанием вопрос о том, смогли ли русские убедить капудан-пашу в возможности и успехе серьезного штурма. Однако, по его словам, нет сомнения в том, что к туркам, которые могли впасть в уныние после взрывов множества мин, вернулась отвага после недавней победы Омер-Вриони под Варной и полной неудачи атаки на первый бастион¹¹⁶. Таким образом, у Мольтке не просматривается никакой связи между этим

114 Лукьянович в данном случае ссылался на дневник осады, который вел генерал-майор Трузсон (Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118). Весьма вероятно, что Мольтке пользовался тем же источником.

115 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118–121.

116 Moltke. Op. cit. 1845. P. 178.

штурмом и капитуляцией Варны. Согласно Мольтке, ничего не известно о переговорах, которые привели к сдаче Юсуф-Паши с частью гарнизона. Опять же, согласно Мольтке, турки вполне могли удержать Варну, и именно по настоянию Юсуф-Паши русские возобновили артиллерийский обстрел вскоре после его прибытия. Более того, Иссет Мехмет (капудан-паша) отказался капитулировать, и Варна сдалась русским лишь после того, как он получил разрешение выйти из города с 300 солдат.

Вообще, Мольтке приписывает сдачу Варны предательству Юсуф-Паши, а причину его измены видит в дворцовых интригах. Очевидно, решение о смещении Юсуф-Паши и конфискации его земель в Румелии было принято, когда он еще защищал Варну¹¹⁷.

С покорением Варны кампания завершилась. Именно обладание этой крепостью позволило русским остаться в Болгарии на зиму. В противном случае им пришлось бы вернуться за Дунай¹¹⁸. Для русских падение Варны стало успехом в провальном, в общем-то, кампании, открытой слишком поздно и с неадекватными силами. Мольтке заключает, что, учитывая огромные русские потери, трудно сказать, кто победил — они или турки¹¹⁹.

Вскоре после падения Варны император отправился в Одессу, а оттуда — в Санкт-Петербург. Согласно воспоминаниям Жомини, он не успел попасть на императорский корабль, которым должен был плыть в Одессу. Поэтому адмирал Грейг предоставил ему другой корабль¹²⁰. По журналу русского Черноморского флота, Жомини отплыл в Одессу 3 (15) октября, через день после отбытия Николая¹²¹.

Ни Николай, ни Жомини на следующий год не участвовали в очередной кампании против турок¹²².

117 Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 200–201. Шильдер в своем переводе книги Мольтке привел в примечании ряд подробностей. После завершения осады Юсуф-Паши со свитой привезли в Одессу. Ему назначили ежемесячное содержание в 10 тыс. рублей и обещали потребовать от турок выдачи его семьи, т. е. его гарема и детей, которые в конце концов тоже оказались в России (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 310).

118 Moltke. Op. cit. 1845. P. 224.

119 Moltke. Op. cit. 1845. P. 236.

120 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

121 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4618. Л. 212–213.

122 Однако, в январе 1829 г. Жомини подал записку с предложениями по поводу предстоящей кампании (Notes sur la prochaine campagne). В этой записке, помимо соображений, относящихся к операциям, Жомини вкратце касался организации императорского штаба и необходимости большего единоначалия в войсках, нежели в предыдущую кампанию. Но он не вдавался в подробности, указывая, что это слишком щекотливый вопрос, чтобы обсуждать его без формального приказа. По замечаниям Жомини и в этой записке, и в прилагавшемся к ней письме создается впечатление, что он излагал свои идеи по просьбе Николая. Более того, Дибич в письме подтверждал, что Николай читал записку и приказал ему сообщить Жомини,

Значение Жомини как советника при российских императорах

Как мы видели, во время кампании 1828 г. Жомини не играл существенной роли в качестве военного советника. Он послал Николаю I несколько писем и записок, но судя по тому, что сам Жомини писал в них, царь уделял им лишь самое скромное внимание. Фактически это подтверждается в воспоминаниях Жомини¹²³. Его не информировали о принятых решениях, силах обеих сторон и политическом контексте конфликта. Его записки часто основаны на предположениях или слухах, которые он мог слышать от коллег. Это тоже подтверждается в его воспоминаниях¹²⁴. Однако, Жомини утверждает, что сыграл важную роль в покорении Варны, которое стало основным событием и главным успехом русских во всей кампании. Леконт, несомненно опираясь на сведения, сообщенные ему Жомини, также говорит, что Жомини активно участвовал во взятии Варны¹²⁵.

Мы не можем полностью опровергнуть заявление Жомини о том, что именно с его подачи капудан-паше направили предложение о капитуляции, хотя возможно, что он несколько приукрашивает действительность, чтобы придать себе больше значения в глазах потомства. В любом случае это несущественно, так как письмо капудан-паше почти наверняка не было причиной капитуляции. Что же кампания 1828 года говорит нам о достоверности воспоминаний Жомини? Рапен в предисловии к изданию первой части его воспоминаний¹²⁶ отмечал, что последовательность событий, описанных Жомини, подтверждается. То же самое можно сказать и о второй части, посвященной службе Жомини в России. В том, что касается кампании 1828 г., представление Жомини о своих функциях и о роли военного советника, отраженное в его воспоминаниях, выглядит весьма точным и соответствует тому, что он писал в других документах. Однако, в воспоминаниях он придерживался не столь

что «полностью удовлетворен его идеями» и благодарит его за «интересный и полезный труд» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4718).

123 В них Жомини указывал, что в начале кампании отправил Николаю извлечение из своей записки, касавшейся возможных войн, которые предстоит вести России, но, по словам Жомини, в ответ он получил весьма холодную благодарность. Кроме того, он писал, что скучал во время осады Варны и просил дать ему более конкретное поручение (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

124 Он отмечал, что не имел представления ни о цели данной кампании, ни об имевшихся силах (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

125 Lecomte. Op. cit. 1860. P. 239.

126 Souvenirs pour mes enfants. Vol. 1, Au service de la France. Edition critique établie et introduite par Ami-Jacques Rapin. Готовится к печати.

безнадежного тона, как в некоторых письмах к императору и особенно в письме жене. В своих воспоминаниях Жомини подчеркивал ошибки, допущенные русскими, особенно Дибичем, намекая, что в военных вопросах разбирался лучше него.

Взятие Варны является одним из тех регулярно появляющихся в воспоминаниях эпизодов, в которых Жомини, по-видимому, преувеличивал сыгранную им роль. Но опять же, в своем рассказе он ничего не выдумал, это видно из сопоставления с произведениями Мольтке и Лукьяновича. В отношении же Леконта можно сказать, что его работе, которая крайне поверхностно освещает русский период, вообще свойственно отсутствие критического подхода к жизни Жомини.

Чем же можно объяснить, что Жомини, один из ведущих военных мыслителей той эпохи, занимал в России столь скромное положение? Можно ли приписать этот факт деятельности многочисленных врагов, якобы имевшихся у него? Опять же, однозначный ответ дать затруднительно. Как уже отмечалось, Жомини с трудом приживался в русской армии, и вполне возможно, что он действительно нажил врагов из числа русских генералов, но трудно сказать, были ли тому причиной его таланты, как он утверждает¹²⁷. Более вероятно, что он не смог завести много друзей в России из-за своего сложного характера. По словам Кански, «откровенность и прямота его мнений, его вспыльчивость и известный цинизм нажили ему, как говорят, могущественных врагов при дворе»¹²⁸.

Во-вторых, Жомини был лишь одним из множества советников. Например, Ф. Ф. Берг, в 1828 г. генерал-квартирмейстер 2-й армии, сетовал на то, что при императорской квартире развелось чересчур много советников, хотя их все равно никто не слушает и они заняты только своими интригами¹²⁹. Вообще говоря, Жомини наверняка был самым известным из них, его трактаты прославили его на всю Европу. Однако существовало фундаментальное различие между Жомини как писателем и Жомини как советником — хотя

сам он не делал его в своих воспоминаниях, а русские не придавали этому различию значения до того, как Жомини поступил к ним на службу. Его пригласили в Россию именно благодаря его произведениям. К тому времени он был уже одним из самых знаменитых и значительных военных мыслителей в Европе, причем в России его, видимо, ценили еще больше¹³⁰. Уже в 1807 г. граф П. А. Толстой, в то время русский посол в Париже, писал Н. П. Румянцеву, российскому министру иностранных дел: «Прилагаемая работа была прислана мне ее автором, полковником Жомини, дабы положить ее к ногам Императора. Я решил, что не могу не передать ее Вашему Превосходительству, учитывая особую ценность, которой она отличается, и заслуженную известность, полученную ей в этой стране. Тема, подвергающаяся в ней обсуждению, имеет высокое значение, а то, как автор раскрывает великие принципы военного искусства, представляется мне достойным внимания Его Величества»¹³¹.

В 1810 г. Александр Чернышев, в то время русский военный агент в Париже, пытался завербовать Жомини на русскую службу. По его словам, он искал знакомства с Жомини именно благодаря его «Трактату» и той репутации, которую Жомини имел среди просвещенных офицеров. Далее Чернышев пишет: «Поскольку месье де Жомини признан во Франции как один из наиболее образованных офицеров, я решил, что такой человек, всесторонне обдумавший великие принципы войны, а затем развивший и изложивший их, может стать чрезвычайно ценным приобретением, оказавшись на службе у Его Величества»¹³². Александр I разделял мнение Чернышева о Жомини, судя по письму Румянцева к Чернышеву: «Та высокая оценка, которую Его Величество дает талантам месье де Жомини, предвещает последнему в нашей стране существование, достойное его, и компенсацию за то, что он оставляет во Франции»¹³³.

127 В рассказе Ланжерона о кампании 1813 г. есть интересный абзац, в котором автор предполагает, что по крайней мере в том году генералы союзных войск втайне опасались славы Жомини, в тени которой они могли оказаться: «В конце концов смерть Моро и презрение, которым был окружен Жомини вскоре после своего дезертирства, также сослужили большую пользу для самооценки союзных генералов. Если бы первый оставался в живых, а второго не стали бы вскоре оценивать так, как он в самом деле заслуживал, то наверняка все бы стали говорить о том, что всеми операциями руководят именно два этих господина» (*Journal des campagnes faites au service de Russie par le Comte de Langeron, général en chef. 16e Campagne en Allemagne 1813. Seconde partie [1826]* // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 2. Д. 524. Л. 36).

128 Canski, Joseph. *Tableau statistique, politique et moral du système militaire de la Russie*. Paris, Heideloff et Campé, 1833. P. 281.

129 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894. С. 33.

130 Бернади в своей биографии Толя указывал, что к тому моменту, как Жомини поступил на службу в русскую армию, его репутация как автора и теоретика нигде не была так высока, как среди русских офицеров, особенно молодых (*Bernhardi, Theodor von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll. Vol. 3. Leipzig, Verlag von Otto Wiegand, 1866. S. 156*).

131 Письмо Толстого Румянцеву. Париж, 8 (20) ноября 1807. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 89. СПб., 1893. С. 229.

132 Письмо Чернышева Румянцеву. Париж, 6 (18) июня 1810. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 121. СПб., 1906. С. 55–58.

133 Письмо Румянцева Чернышеву. 6 (18) сентября 1810. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 121. СПб., 1906. С. 95–96.

Когда Жомини наконец в 1813 г. перешел на русскую службу, многие питали в его отношении большие ожидания. Жан-Виктор Моро, прославленный генерал французской республиканской армии, впоследствии живший в изгнании и в один день с Жомини прибывший в Прагу, чтобы стать советником при Александре I, писал в дневнике: «Император сделал превосходное приобретение в лице генерала Жомини, он очень талантлив»¹³⁴. Вскоре Моро получил смертельное ранение в Дрезденской битве и умер. Таким образом, он был знаком с Жомини всего несколько дней.

Другие генералы вскоре прониклись иным мнением относительно талантов Жомини. Согласно генералу Ланжерону — французу, покинувшему Францию во время революции и поступившему на русскую службу, а в 1813 г. командовавшему русским корпусом в составе Силезской армии, от Жомини на поле боя было мало пользы, несмотря на его писательские таланты. В своем описании кампании Ланжерон говорит, что его (Жомини) «дезертирство (...) подняло много шума, не делая особой чести месье де Жомини (хотя он не француз, а швейцарец) и не принеся серьезных выгод союзным армиям. Месье де Жомини на поле боя потерял ту репутацию, которую он, весьма небезосновательно, заслужил своими превосходными сочинениями. (...) Он не оказывал никакого влияния на планы кампании, а немногие советы, о которых его просили, были крайне робкими»¹³⁵.

Бернарди в своей биографии Толя приходит к аналогичным выводам. Русские офицеры многого ожидали от знаменитого автора, труды которого они читали. Однако, эти ожидания очень быстро развеялись: «Однако вскоре стало ясно, что у него на деле почти отсутствовал практический опыт военных операций, и что ему не хватало многого, что в принципе требуется от любого офицера генерального штаба. (...) Вероятно, эти обстоятельства в большой степени объясняют, что ему не удалось приобрести сколько-нибудь значительного и продолжительного влияния, и по крайней мере впоследствии он сам признавался, что его нельзя назвать „тактиком“; это мнение возобладало в русской армии, однако его репутация как «стратега» настолько устоялась, что даже это ее не поколебало»¹³⁶.

134 Дневник генерала Моро (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 389с. Л. 3). Запись сделана в Зетлице 22 [августа 1813].

135 Langeron. Op. cit. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 2. Д. 524. Примечания на л. 170б-18). Ланжерон прибавляет: «Вообще все эти великие гении, начиная [...] от Мака и заканчивая Жомини, неизменно терпели неудачу, как только меняли перо на меч».

136 Bernhardi. Op. cit. Vol. 3. 1866. Ss. 156–157. Однако в работе Бернарди имеется ряд спорных моментов. Тартаковский прав, указывая на то, что Бернарди не издал мемуары, написанные Толем, а написал труд по военной истории (Тартаковский. Указ. соч. 1970. С. 372 и далее). Таким образом, нам неизвестно, действительно ли в заявлении Бернарди о Жомини отражена точка зрения Толя. А ее было бы интересно узнать, поскольку Жомини

Таким образом, таланты Жомини как писателя и его репутация как военного теоретика получили широкое признание; с другой стороны, его таланты как военачальника ставились под сомнение¹³⁷. Другой вопрос — действительно ли Жомини был так бесполозен на поле боя, как утверждают его коллеги. Однако, важным представляется то, что мнение о различии между талантами Жомини как писателя и его способностями военачальника существовало среди русских офицеров с самого начала службы Жомини в России. Верное или нет, но это мнение по крайней мере частично объясняет, почему Жомини так никогда и не сыграл, или не получил возможности сыграть в России важную роль в качестве военного советника. Вообще говоря, во время Крымской войны он вернулся в Санкт-Петербург, и Николай I читал его письма и записки об операциях¹³⁸. Кроме того, Жомини был инициатором основания Императорской военной академии, и в 1829–1830 гг. возглавлял комитет по разработке первого варианта проекта этой академии¹³⁹. Но в первую очередь он был военным писателем и историком, получившим в России широкое признание. Например, Д. А. Милютин, знаменитый реформатор российской армии при Александре II, согласно его мемуарам, после учебы в военной академии в 1835–

и Толь во время кампании 1813 г. явно провели много времени в обществе друг друга. Интересно, что Жомини в своих воспоминаниях сетует на вероломство Толя, имея в виду мемуары последнего. Соответственно, Жомини считал работу Бернарди мемуарами, написанными лично Толем. Согласно воспоминаниям Жомини, Толь называл себя его учеником до того, как тот приехал в Россию и стал препятствием на пути у Толя. В данном случае Жомини снова намекал на то, что нажил в России врагов из-за своих талантов (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

137 Случайно или нет, но во французском лагере сложилось такое же мнение. Барон де Дедем де Гельдер, французский генерал голландского происхождения, который служил в 1813 г. под началом Нея, в своих мемуарах писал о Жомини, что тот не был «ни хорошим солдатом, ни способным командиром. Я видел, как в битве под Бауценом [1813] развитие событий привело его в ужас; он с большим трудом написал приказ, который маршал [Ней] продиктовал ему на поле боя, а на следующий день он говорил так, как будто именно от него исходили все планы и распоряжения. Я не хочу сказать, что он не был храбрым, однако, судя по этой сцене, его отвагу было легко поколебать» (Un général hollandais sous le premier empire. Mémoires du général baron de Dedem de Gelder. 1774–1825. Paris, Plon, 1900. P. 327).

138 Эти записки ныне хранятся в РГВИА (Ф. 1. Оп. 1. Д. 21979; Ф. 481. Оп. 1. Д. 664. Л. 32–45 (письма М. Д. Горчакову)). О том, что Николай читал записки и письма, говорят его пометки. С Жомини даже советовались по некоторым вопросам, связанным с операциями.

139 О создании Императорской военной академии см.: Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882; и Глиноецкий. Указ. соч. Т. 2. 1894. См. также недавнюю работу: Carl Van Dyke. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. New York, Greenwood Press, 1989. Документы, связанные с ролью Жомини в создании академии, см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1.

1836 г. перевел первый том «Жизни Наполеона» Жомини, не только из-за своего интереса к Наполеону, но и в надежде заработать денег этим переводом, считая, что он будет хорошо продаваться¹⁴⁰.

Разумеется, не случайно, что вскоре после возвращения в Санкт-Петербург Жомини получил приказ написать краткую историю кампании 1828 г. Он пишет в своих воспоминаниях: «Одной из первых порученных мне задач было составление оправдательной записки о кампании в ответ на безудержные и злобные нападки немецких газет. Граф Нессельроде от имени Е. В. обратился ко мне с просьбой опровергнуть эту клевету. Поручение было щекотливым, так как кампания в самом деле совсем не оправдала всеобщих ожиданий, и не будь захвата Варны и успехов Паскевича в Армении, она бы стала полным фиаско»¹⁴¹.

«Observations sur la dernière campagne de Turquie» были анонимно изданы в Париже и в Санкт-Петербурге¹⁴². Жомини представлял собой идеальный выбор для этой задачи, будучи известным и уважаемым по всей Европе военным историком. Но нельзя не отметить, что по иронии судьбы Жомини, который мечтал о «настоящей» военной карьере, получил приказ написать историю кампании, на ход которой он не оказал практически никакого влияния.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что Жомини приобрел и сохранил большое влияние в качестве военного писателя, теоретика и историка. Его значение как военного советника носило куда более ограниченный характер. Разумеется, мы никогда не сможем полностью исключить возможность того, что Жомини мог бы принести большую пользу, особенно в кампании в 1828 г., которая по об-

щему и вполне обоснованному признанию завершилась неудачей, и что некоторые завистливые генералы, опасаясь его влияния, старались не подпускать его к императору. Однако, признавая Жомини как писателя предполагает, что понимая войну в теории, он не обладал способностями полководца. Сам Жомини был крайне разочарован своим положением в русской армии. Описывая подвиги великих генералов, он сам хотел быть одним из них, или по крайней мере приносить пользу своими советами. Однако, в русском штабе во время кампании 1828 г. его скорее терпели, нежели ценили.

Ограниченная роль Жомини как военного советника несколько не умаляет общего значения этой очень интересной исторической личности. Он не только был одним из величайших военных мыслителей своего времени; сама его жизнь крайне любопытна для современного читателя, а его воспоминания, пусть даже порой приукрашенные, являются уникальным источником, позволяющим лучше понять и его жизнь, и его произведения. Более того, они интересны еще и в том отношении, что показывают с весьма неординарной точки зрения русскую армию и общество в первой половине XIX века.

Перевод Николая Эдельмана

~

¹⁴⁰ Милютин так и не издал этот перевод. По его словам, ему воспрепятствовал сам Жомини, посчитав это нарушением своих авторских прав. Кроме того, военный цензор Михайловский-Данилевский потребовал изменить часть книги, касающуюся политики (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1842. М., 1997. С. 165, 170). Как ни странно, первый том «Жизни Наполеона», переведенный на русский язык Ушинским, был издан в 1837 г., т. е. примерно в то же самое время (Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 1–6. СПб., 1837–1842).

¹⁴¹ Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196. По-видимому, сначала отчет Жомини о кампании не предназначался к изданию, или по крайней мере Жомини не знал об этом. 18 (30) декабря 1828 г. он писал Чернышеву: «И хотя я нуждаюсь в кое-каких объяснениях о том, какой характер должно иметь данное изложение кампании, которое Его Величество пожелал получить для личных надобностей, я уже сейчас могу сообщить вам, что мне потребуется в любом случае». Далее шел список материалов, необходимых Жомини. Потом он прибавлял: «Вам покажется, что я прошу многого, хотя вследствие того, что мне ничего не известно, я должен ознакомиться с вопросом, прежде чем излагать его» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 994. Л. 1–2).

¹⁴² Observations sur la dernière Campagne de Turquie. Par un Officier d'Etat-major russe, Paris, Impr. de Goetschy, 1829 / Saint-Petersbourg, Veuve Pluchart, décembre 1828.